

13. *Пуришев Б. И.* Рококо // Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. М., 1971. Т. 6. 14. *Русский и западноевропейский классицизм. Проза.* М., 1982. 15. *Сиповский В. В.* Очерки из истории русского романа. Спб., 1909. Т. 1. Вып. 1. 16. *Степанов В. П.* Просветительский реализм // Развитие реализма в русской литературе: В 3 т. М., 1972. Т. 1. 17. *Томашевский Б. В.* Пушкин и Франция. Л., 1960. 18. *Федоров В. И.* Литературные направления в русской литературе XVIII века. М., 1979. 19. *Чулков М. Д.* Пригожая повариха // Русская проза XVIII века. М., 1971. 20. *Эсланек А. Я.* Внутрижанровая типология и пути ее изучения. М., 1985. 21. *Brown W. E.* A history of 18-th Century in Russian Literature. Ann Arbor, 1980. 22. *Cross A. G.* The tale of the Russian daughter and her suffocated lover.—Univers. of Birmingham, 1982. 23. *Garrard J. G.* The eighteenth century in Russia. Oxford, 1973. 24. *Hatzfeld H.* The rococo. Erotism, Wit and Elegance in European Literature. N.—Y., 1972. 25. *Lauffer R.* Style Rococo. Style des «Lumières». P., 1963. 26. *May G.* Le Dilemme du roman du XVIII-e siècle. P., 1963. 27. *Меуниех А.* La littérature et le métier d'écrivain en Russie avant Pouchkine. P., 1966. 28. *Minguet Ph.* Esthétique du rococo. P., 1966. 29. *Monnier A.* Un publiciste frondeur sous Catherine II. Nicolas Novikov. P., 1981. 30. *Stridter J.* Der shelmanroman in Russland. Ein Beitrag zur geschichte des russischen romans vor Gogol. Berlin, 1961.

Статья поступила в редколлегию 02.12.85

В. И. Мацапура, асп.,
Киевский университет

Работа А. С. Пушкина над образом Онегина (из наблюдений за черновыми вариантами романа в стихах)

А. С. Пушкин принадлежит к числу тех поэтов, рукописи которых подобны стенограммам творческого акта и поэтому бесценны. Его черновики уникальны, так как в них получал отражение процесс создания произведения (на это неоднократно указывали и Б. В. Томашевский и С. М. Бонди).

Текстологами была проделана колоссальная работа по расшифровке и прочтению пушкинских рукописей [13, с. 676]. Для читателя открылись сотни страниц неизвестного пушкинского текста. С этого времени пушкиноведческие исследования редко обходятся без обращения к черновым редакциям и вариантам.

В шестом томе академического собрания сочинений, редактируемом Б. В. Томашевским, разработана текстология «Евгения Онегина». Представленный в нем объем черновых редакций и вариантов в 3 раза превышает объем канонического текста. Однако в этом издании отсутствует текстологический комментарий. Процесс создания Пушкиным романа в стихах, особенности его творческой лаборатории, не нашли еще должного освещения в пушкиноведении, несмотря на то что исследовательская литература, посвященная «Евгению Онегину», огромна. Работы Б. В. Томашевского, Д. Д. Благого, Б. С. Мейлаха,

Г. А. Гуковского, Н. Л. Бродского, Г. О. Винокура, Г. П. Макогоненко, Ю. М. Лотмана, И. М. Семенко и многих других авторов, исследующих творчество поэта, стали значительным явлением не только в пушкиноведении, но и в литературоведении в целом, а их обзор может быть предметом специального изучения. В них широко представлены, достаточно полно освещены многие вопросы его творческого метода, художественного мастерства, сложной истории создания. «При всем этом остается широкое поле для дальнейших исследований, уточнений, пересмотра» [11, с. 436].

Используя черновые варианты, попытаемся проследить, какие изменения претерпел характер заглавного героя в процессе создания, как менялось авторское отношение к нему, что постепенно отходило на второй план и что, наоборот, становилось главным. В комментариях к роману в стихах Н. Л. Бродским и Ю. М. Лотманом даются ссылки на многие черновые варианты пушкинского текста. Однако уяснение их роли для эволюции характера Онегина будет представлять несомненный интерес. Именно этот вопрос — эволюция Онегина — на протяжении многих лет был дискуссионным (вспомним хотя бы дискуссию о героях романа в Институте русской литературы в 1961 г.).

В первой главе Онегин представлен как светский человек, впитавший в себя нравы и привычки большого света. «Я вижу франта, который душой и телом предан моде, — вижу человека, которых тысячу встречаю наяву, ибо самая холодность и мизантропия, и странность теперь в числе туалетных приборов», — так воспринял характер героя современник поэта А. А. Бестужев [10, с. 149]. Не таким был задуман Онегин вначале. В черновиках первой главы герой спорит

О Байроне, о Манюэле,
О карбонарах, о Парни,
Об генеале Жомини [9, с. 217].

Здесь же упоминаются Венжамин и Мармонтель. Для поэта и его современников указанные имена были связаны с важными идеологическими темами. Байрон, как известно, был не только поэтом-романтиком, но и борцом за свободу, членом общества карбонариев в Италии; Манюэль и Венжамин — крупными деятелями французского освободительного движения; Мармонтель — другом Вольтера [4, с. 128].

В окончательном тексте поэт снимает политическую направленность спора, заменив все его предметы определением «важный»: Онегин умел «хранить молчанье в важном споре».

Тема свободомыслия героя еще раз появляется в черновой рукописи второй главы; герой «Не думал, что добро, законы, Любовь к отечеству, права Для оды звучные слова» [9, с. 276—277]. Здесь снова наблюдается попытка поставить героя на одну платформу с декабристами, для которых слова «любовь к отечеству, права» не были пустым звуком. Но в белой рукописи второй главы А. С. Пушкин лишает своего героя инте-

ресов подобного рода, и стихи приобретают противоположный смысл:

Не посвящал друзей в шпионы,
Хоть думал, что добро, законы,
Любовь к отечеству, права
Одни условные слова [9, с. 561].

Чем объяснить столь резкую смену авторских решений? Очевидно, прав Ю. М. Лотман, высказавший мысль, что «в замысле первой главы было заложено отношение между нравственным идеалом, приближающимся к установкам Союза Благоденствия, и образом поверхностного молодого человека, в определенных отношениях соприкасающегося с передовыми кругами» [3, с. 27].

Отказав Онегину в политических интересах и поэтических способностях («Не мог он ямба от хорея, Как мы не бились отличить»), поэт наделяет его рационалистическим умом, интересом к политэкономии.

Важное место в композиционном плане первой главы занимает XXXV строфа, которая предваряет ее центральный вопрос: «Но был ли счастлив мой Евгений?» В ней автор контрастно по отношению к бездеятельной жизни героя рисует трудовой ритм пробуждающегося Петербурга. Бодро звучит полнударный четырехстопный ямб: «встает купец, идет разнощик», «проснулся утра шум приятный». Движение наполненного жизнью города дается в авторском восприятии. Обращаясь к времяпрепровождению героя, автор меняет стилистическую окраску (глава первая, строфа XXXVI). Онегин представлен перифрастически, как «забав и роскоши дитя». Характерно, что в черновике речь шла о «бесстыдных наслаждениях» [9, с. 243]. В окончательном тексте они уступают место «вседневным наслаждениям», что еще раз подчеркивает бездеятельное однообразие жизни героя.

Отрицательно ответив на вопрос «Но был ли счастлив мой Евгений?», поэт в следующей строфе не разъясняет причин его разочарованности. Повествование переключается в ироническую тональность (прием, такой характерный для построения романа!). Чувства героя рано остыли, «Затем, что не всегда же мог Beef-steaks и стразбургский пирог Шампанской обливать бутылкой...» [9, с. 21]. Начало следующей строфы имеет любопытный черновой вариант: недуг, овладевший героем, представлен вначале как «болезнь». Отбрасываются поэтом и варианты стиха, подчеркивающие, что причина недуга «еще сокрыта», «еще неизвестна», «и корень отыскать пора» [9, с. 244]. В окончательном тексте автор только указывает: причину недуга «давно бы отыскать пора», но не разъясняет ее. Сохраняя загадочность героя, оберегая его тайну, поэт-психолог умалчивает и об истинных причинах его разочарованности. Он использует прием фиктивного пропуска строк (далее в тексте строфы XXXIX—XLI пропущены, и у читателя создается впечатление, что именно в них идет речь о причинах

онегинской хандры). Использование приема умолчания может свидетельствовать также о запретности темы. Ведь тема скуки в начале 20-х годов XIX в. получила новое осмысление: с ней ассоциировались представления об умном человеке. В черновых вариантах XXXVIII строфы Онегин сравнивается со скукающим Адольфом, героем одноименного романа Бенжамена Констан, в котором, по мнению Пушкина, «отразился век». Но в окончательный текст поэт вносит поправку, сравнивает героя с Чайльд-Гарольдом. Это сравнение повторяется в тексте романа несколько раз и объясняется социально-психологической близостью героев. Оно еще раз свидетельствует о том, что в реалистическом романе изображен герой с романтическим мироощущением [1, с. 59]. Онегину, как и романтическим героям, свойствен разрыв с окружающим обществом, склонность к мечтанью (его душа «мечтанью предана безмерно»). Отрицание «забав света» получает выражение в оформлении стиха — в многократном употреблении отрицательных частиц:

Ни сплетни света, ни бостон,
Ни милый взгляд, ни вздох нескромный.
Ничто не трогало его,
Не замечал он ничего [9, с. 21].

Определив круг интересов, увлечений героя, особенности его душевного состояния, автор настойчиво заявляет: «Всегда я рад заметить разность Между Онегиным и мной». Фантазия поэта помещает образ автора в центр вымышленного повествования [8, с. 76]. Он лично знаком с Онегиным, у него хранится письмо Татьяны и т. д.

Сообщая о том, что Онегин хотел писать, принялся за чтение, автор изображает новый этап в его духовном развитии, связанный с попыткой преодолеть бездеятельность светского общества:

И снова, преданный безделью,
Томясь душевной пустотой,
Уселся он — с похвальной целью
Себе присвоить ум чужой... [9, с. 23].

Черновые варианты второго стиха отбрасываются, несмотря на то, что подходят по размеру и смыслу: «не зная, как занять свой ум», «с ничем не занятой душой» [9, с. 246]. Вероятно, в данном контексте автору важнее было отметить не просто пустоту души героя, а то, что она мучила его, заставляла страдать. В черновике Онегин «уселся» не с той целью, «чтобы присвоить ум чужой»,

Плоды трудов и размышлений,
А [иногда] более предрацуждений,
И забывая мир земной,
Создать себе совсем иной [9, с. 246].

Однако автор, следуя логике развития характера, в окончательном тексте усиливает тему разочарованности героя. «Рез-

кий, охлажденный ум». Онегина и в книгах видит то же, что и в жизни: «Там скука, там обман иль бред; В том совести, в том смысла нет...» [9, с. 23].

Если первая глава только быстрое введение (по высказыванию поэта), то в последующих характер героя получает дальнейшее развитие. Нововведение Онегина в деревне — замена барщины оброком — едва ли не самая декабристская черта пушкинского романа, характеризующая героя как представителя околодекабристской среды. (Нужно учитывать то, что оброк, учрежденный Онегиным, был «легким!»). Подобная мера в 20-е годы XIX в. воспринималась как вольнодумная.

Именно так взглянул на реформу Онегина «его расчетливый сосед» [4, с. 180]. Однако это место в романе не свободно от противоречий. Оно еще раз свидетельствует о том, что противоречия являются важным структурным элементом романа в стихах: изображая полезность нововведения Онегина, поэт дает это изображение в ироническом тоне. Нельзя не согласиться с Г. А. Гуковским, который полагал: «легкий, иронический, почти шуточный тон этой строфы уточняет ее смысл» [2, с. 186]. В черновике ирония была более выразительной: Онегин заменяет барщину оброком, «чтоб удивить» [9, с. 264]. Автор отказался от этого варианта. В окончательном тексте он ослабляет ироническое звучание строфы. Об этом свидетельствует то, что поэт устранил сравнения героя с законодателями древности Солоном, Ликургом, Периклом — варианты, имеющие иронический оттенок. Он создает несколько «проб», в которых выражается реакция крепостных на нововведения молодого барина: «народ Судьбу благословил», «мужик Судьбу благословил» [9, с. 265]. А. С. Пушкин останавливается на варианте: «и раб судьбу благословил». Г. А. Гуковский и здесь усматривает иронию: «народ не мог благословлять ни Онегина, ни судьбу за куцое благодеяние», это мог делать только раб, а не народ» [2, с. 186]. Думается, такое прочтение неправомерно. Рабское положение народа всегда возмущало поэта.

Отказ от многих черновых вариантов происходил чаще всего тогда, когда они не соответствовали логике развития характера героя. Например, в первоначальной редакции романа в стихах отрасли определяли не только прошлое, но и настоящее, предвещали будущее героя [12, с. 6].

Онегин говорил об них
Как о знакомцах изменивших,
Давно могилы сном почивших
И коих нет уж и следа.
Но вырывались иногда
Из уст его такие звуки,
Такой глубокий чудный стон,
Что Ленскому казался он
Приметой незатихшей муки —
И точно: страсти были тут.
Скрывать их был напрасный труд [9, с. 562].

В окончательном тексте страсти выступают только лишь, как один из предметов разговора героев: «Но чаще занимали страсти Умы пустынников моих» [9, с. 38]. Исследователи отмечали, что отвергнутая в условиях реалистического романа тема страстей нашла отражение в поэме «Цыганы», а в черновиках «Онегина» мы наблюдаем сложное взаимодействие двух замыслов.

В работе над образом Онегина в третьей главе особенно заметно стремление к наиболее правдоподобной мотивировке поступков героя, достоверной передаче его разговорной манеры. Глава начинается драматизированными сценами, диалогами Онегина и Ленского. Разговор приятелей прост и привычен. Но его непринужденность, свобода и раскованность были достигнуты не сразу. Вначале в черновике главы был намечен мотив прощания Онегина с Ленским. Поэт перебирает множество вариантов, прежде чем приходит к стиху: «Ну что ж? ты едешь: очень жаль». Среди них и такие, при помощи которых заглавный герой пытается объяснить причины посещения Ленским дома Лариных: «Уймись, мой милый, ради бога», «Ну просто объявить нельзя <ль>, Что ты влюблен...» [9, с. 304]. Такова первоначальная реакция Онегина на слова Ленского: «Я модный свет ваш ненавижу; милее мне домашний круг...» Пушкин меняет ее в окончательном тексте, как бы реализуя характеристику героя: «Он охладительное слово В устах старался удержать». Намеченный вначале мотив прощания заменяется продолжением непринужденной беседы между героями (глава третья, строфы 1—2). В черновике Онегин говорит языком романтической поэзии, языком Ленского: «Увидеть мне твою Армиду», «Предмет мечтаний, томных слов», «И рифм, и пламенных стихов» [9, с. 304]. В окончательном тексте романтический налет в его речи исчезает.

Такая же филигранная работа над словом наблюдается в последующих строфах. Подслушанный украдкой разговор героев в IV строфе третьей главы в черновике выглядел иначе, чем в окончательном тексте. Вначале настойчиво трижды повторялась мысль о том, что Онегин доволен поездкой к Лариным («ты прав, мой милый, я доволен», «ты прав, хозяйки очень милы», «ты прав, у них совсем не скучно» [9, с. 306]).

В окончательном тексте реплики Онегина углубляют его характеристику как героя разочарованного.

В исследовательской литературе часто цитируется черновик третьей главы, который предполагал новый поворот сюжетной линии: Онегин после посещения Лариных влюбляется в Татьяну («...Проснулся <он> денницы ране, И мысль была все о Татьяне...» [9, с. 307]). Мог ли великосветский пресыщенный денди влюбиться в сельскую барышню? Черновые варианты свидетельствуют о том, что сильное чувство настолько не свойственно Онегину, что удивило бы его самого: «себя уж то-то б удивил», «себя уж то-то б одолжил» [9, с. 308].

В четвертой главе мотив разочарованности Онегина углубляется.

Он в первой юности своей
Был жертвой бурных заблуждений
И необузданных страстей [9, с. 76].

В черновике авторской характеристике предшествовала исповедь героя: «Я жертва долгих заблуждений, Разврата пламенных страстей» [9, с. 342]. Замена ее свидетельствует о том, что поэт стремился максимально объективизировать изображение.

Описание времяпрепровождения Онегина в деревне имеет много автобиографического. Так, в одном из писем А. С. Пушкин отмечал, что в четвертой главе «Евгения Онегина» он изобразил свою жизнь [10, с. 280]. Действительно, в белой рукописи герой появляется в наряде, в котором, по свидетельству современников, видели поэта на святогорской ярмарке:

Носил он русскую рубашку,
Платок шелковый кушаком,
Армяк татарский на распашку
И шляпу с кровлею, как дом... [9, с. 598].

В строфе имелось указание на место действия, вспоминалась «губерния Псковская», «псковская дама Дурина» [9, с. 351, 598]. Все эти детали не вошли в окончательный текст. Можно предполагать, что поэт опасался слияния автора и героя, наметившегося в данных отрывках. Он стремился к обобщению, так как изображал типичные явления действительности.

Понять мотивы поступков Онегина часто помогает описание его окружения. Поведение героя на именинах могло бы показаться странным, если бы автор, подобно Евгению, не нарисовал «карикатуры всех гостей». Сравнение черновика и окончательного текста показывает, что поэт намеренно сгущал краски, изображая мелкопоместное дворянство. В окончательном тексте появляются и «Скотинины, чета седая», и относящееся к советнику Флянову определение «взяточник» [9, с. 109, 397]. Концентрация сатирических определений по сравнению с черновыми вариантами наблюдается также в XXIII—XXVI строфах восьмой главы, в которой поэт изображает петербургскую знать. Конечно же, посещение общества, в душе отвергнутого Онегиным, не могло развеять скуку. «Чудак, попав на пир огромный, Уж был сердит...» [9, с. 111]

Характер Онегина в черновике седьмой главы раскрывается при помощи описания его библиотеки и альбома. Библиотека Онегина в ее первоначальном виде представляла широкие научные интересы владельца. В ней имелись произведения политических деятелей, философов, писателей: «Юм, Робертсон, Руссо, Мабли ...» [9, с. 438]. В другом варианте черновика в библиотеке были представлены произведения,

В которых отразился век
[И] современный человек
Изображен довольно верно
С своей безнравственной душой... [9, с. 439].

В окончательном тексте длинный перечень излюбленных творений Евгения заменен указанием на «певца Гяура и Жуанá» и несколько безымянных источников. Почему произошла такая замена? Вероятно, широкие научные и политические интересы не могли быть свойственны человеку разуверившемуся, которому «труд упорный» «был тошен». В окончательном тексте герой произведений наделен «безнравственной душой, Себялюбивой и сухой» [9, с. 148]. Представляет интерес вариативность качественных определений к слову «душа». В черновике она «холодная», «тоскливая, «расчетливая», «раздвоенная», «себялюбивая», «больная» [9, с. 439]. Эти варианты не являются свидетельством того, что точность давалась поэту с каким-то необычайным трудом. Ведь «само по себе точное определение может оказаться неточным в контексте, который возникает в дальнейшем, в процессе типизации» [6, с. 42].

В альбоме Онегина, представляющем собой исповедь героя, автор пытается объяснить причину неприязненного отношения к нему светского общества: «Меня не любят и клеветуют, В кругу мужчин несносен я...» [9, с. 614]. Альбом Онегина не был включен в окончательный текст, но отдельные его строки в переработанном виде вошли в восьмую главу. Исповедь героя заменена его пламенной защитой: «Зачем же так неблагосклонно Вы отзываетесь о нем?» [9, с. 169].

По первоначальному замыслу восьмой главе романа должно было предшествовать описание путешествия Онегина, отрывки из которого поэт позже включил в канонический текст романа как приложение. Анализ отрывков из главы «Странствие» имеет большое значение для понимания авторского замысла. До сих пор довольно распространенной является концепция «возрождения» героя, которая зиждется на преувеличении роли путешествия в изменении его мировосприятия. Действительно, в черновиках указывается, что он «быть чем-то захотел», «переродиться захотел» [9, с. 495]. Первоначально зарождение патриотических чувств героя дано в ироническом тоне:

Проснулся раз он Патриотом
В Hotel de Londres, что в Морской.
Россия [мирная] мгновенно
Ему понравилась отменно... [9, с. 476].

Г. А. Гуковский указал на несерьезность политических мыслей Онегина до путешествия, «тогда как в процессе путешествия они станут серьезны и глубоки» [2, с. 249]. Мнение исследователя представляется малоубедительным. Исторические воспоминания, политические наблюдения, противопоставление героического прошлого современности с ее «меркантильным духом» — все эти картины странствия даны объективно. Сторонники концепции «возрождения» пренебрегают психологическим состоянием героя [7, с. 11]. Нельзя забывать, что красной нитью через все отрывки из путешествия проходит

слово «Тоска!», следовательно, ни о каком возрождении героя не может быть и речи.

Герой пушкинского романа — «лишний человек». Такое понимание его характера, восходящее ещё к В. Г. Белинскому, подтверждается основным текстом романа и его черновыми редакциями, является наиболее убедительным. Определению «лишний» нельзя придавать отрицательный оттенок. Автор сочувственно относится к своему герою на протяжении всего романа. «Пушкин, работая над текстом VIII главы, щадит Онегина, делает его более поэтичным и близким Татьяне» [5, с. 86]. Черновые варианты подтверждают эту мысль. Поэт не вводит в окончательный текст характеристику, которая могла бы сделать Онегина смешным в глазах читателя — «любовник хилый и больной» [9, с. 632]. Если в черновике подчеркивается опустошенность Онегина («Все ставки жизни проиграл» [9, с. 519], то в окончательном тексте автор наделяет героя поэтическим воображением, которое все время возвращает его к Татьяне (строфа XXVII). Сочувственное отношение создателя романа к герою прослеживается также на заключительном этапе работы над произведением — в письме Онегина к Татьяне. В его первоначальном варианте герой сконцентрирован на себе, мысли его иногда просто эгоистичны. В окончательном тексте каждая строчка онегинского послания дышит подлинным чувством:

Черновые варианты пушкинского романа помогают лучше понять авторский замысел. Сравнивая первоначальные редакции и варианты с окончательным текстом, мы приближаемся к процессу создания характера героя, наблюдаем, как утвердились реалистические принципы в его изображении, видим огромный труд автора, кропотливую работу над словом.

1. *Бабинский М. Б.* Герой с романтическим мироощущением в русской литературе первой половины XIX века // Лит. в шк. 1981. № 6. 2. *Гуковский Г. А.* Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957. 3. *Лотман Ю. М.* Художественная структура «Евгения Онегина» // Уч. зап. Тартусского ун-та. 1966. Вып. 184. 4. *Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л., 1983. 5. *Маранцман В. Г.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» в школьном изучении. М., 1983. 6. *Мейлах Б. С.* Художественное мышление Пушкина как творческий процесс. М.; Л., 1962. 7. *Никишов Ю. М.* Концепция героя в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Калинин, 1982. 8. *Одинокое В. Г.* «И даль свободного романа...». Новосибирск, 1983. 9. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937. Т. 6. 10. Там же. 1949. Т. 13. 11. Пушкин. Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966. 12. *Сидяков Л. С.* «Евгений Онегин», «Цыганы», «Граф Нулин» / к эволюции пушкинского стихотворного повествования // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1978. Т. 7. 13. *Фейнберг И.* Читая тетради Пушкина. М., 1985.

Статья поступила в редколлегию 08.10.86